

рассчитывает на культурный, социальный опыт читателя, когда оценка не выражена прямо, она уходит в подтекст, журналист позволяет читателю самостоятельно оценить героя: *А в 1977 году он был даже самым первым из них – наловил двадцать шесть тонн рыбы. Один! И притом что даже двенадцать плановых тонн выловить очень непросто* [Песков 2014в: 102].

Таким образом, анализ очерков с помощью разных способов оценки показывает эстетические, философские и воспитательные ценности. Данный список ценностей не является окончательным, выявление ценностного потенциала очерков – дальнейшая перспектива исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурленова Л. В. Содержание понятия «чувство природы» // Природа и человек в русской литературе: материалы всероссийской научной конференции. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. С. 5–14.
2. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 2. С Юрием Гагариным. М. : Издательский дом «Комсомольская правда», 2014а.
3. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 8. Мир за нашим окном. М. : Издательский дом «Комсомольская правда», 2014б.
4. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 12. Ключи от Волги. М. : Издательский дом «Комсомольская правда», 2014в.
5. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Шалина И. В.
профессор

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕМЧИВАНИЕ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ*

Технологией поиска и изобретения того, что может быть сказано с определенной степенью вероятности на любую тему, занимается инвенция – раздел риторики, оперирующий топами. Не углубляясь в сложную теорию топики, определим топы как средства «развертывания пропозиции» [Dick 1964: 314], способы развития темы (идей, доводов), пригодные для построения речи, в первую очередь воздействующей.

Различаются топы внутренние и внешние. В группу внешних топов, представляющих собой «типичные связи анализируемого предмета или действия», в

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

частности, включают топ «отношение к другим объектам (например, отношения сходства, рода и вида)» [Москвин 2008: 138]. Как известно, изначальное сходство предметов (скрытое сравнение, по Аристотелю) лежит в основании метафоры, которая строится «на принципе соизмеримости познаваемого с понятными для человеческого восприятия образами и символами» [Юрков 2012: 4]. Согласно философской мысли, разум склонен опираться на «образные представления», чтобы сделать понятия, не выводимые из опыта, «применимыми к опыту» [См.: Кант 1994]; на легкое и доступное, чтобы «достигнуть более трудного и неуловимого» [Ортега-и-Гассет 1991: 207]. Эти познавательные стратегии реализуются, например, с помощью обобщения и конкретизации. Последняя из названных логико-когнитивных операций раскрывает суть абстрактных понятий за счет «их индуктивной «адаптации» к повседневным ситуациям, знакомым и понятным адресатам» [См: Кожемякин 2013: электронный ресурс]. Это может быть применимо к религиозному опыту, который, при всей его принципиальной «непересказуемости», «должен быть пересказан с целью воспроизводства ценностей, составляющих основу религии» [Там же].

Метафорическое опредмечивание как риторический прием основано на проекции свойств конкретного предмета на абстрактное понятие: говоря словами А.А. Потебни, «определенная метафизическая или моральная абстракция сравнивается с доступным для сенсорного восприятия физическим объектом» [Потебня 1990: 286–287]. Представляется, что слова апостола Павла из «Послания к евреям» о том, что люди в меру религиозного опыта и духовного совершенства нуждаются в разной «пище», можно использовать и как пример практики такого метафорического опредмечивания, и как собственно иллюстрацию его механизма. Ср.: «...всякий молоком питаемый, не сведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» [Евр. 5: 13–15].

Метафорическое опредмечивание как прием изобразительной речи становится яркой приметой индивидуального стиля мышления священника, который «репрезентируется в тексте единицами разных уровней, эксплицируется специальными или функционально ориентированными единицами» [Котюрова 2011: 180]. Наблюдения за речевым поведением «медийных батюшек» показывают, что это риторическое средство активно пользуют о. Артемий Владимиров, о. Андрей Ткачев, о. Савва Мажуко и др. Так, интерпретируя тезис «*В Боге все просто, мирно и прекрасно*», о. Артемий Владимиров призывает обратиться к молитве как способу установления связи с Богом на примере мистического опыта монахов, которые «*входят в сокровенную клеть собственной души и закрывают за собою створки дверей, удерживая чувства от внешних раздражителей...и мало-помалу в их сердцах и душах водворяется та священная ти-*

шина, то безмолвие, которые не покупаются и не продаются в нашем турбулентном мире». Пространственный образ клетки с наглухо закрытыми дверными ставками позволяет наглядно представить молитвенное состояние души иночествующих и хотя бы отчасти помыслить о таких сложных богословских понятиях, как безмолвие и исихазм. Призывая верующих встать на молитву, священник описывает благодатное состояние ума, который *«бывает прост и безвиден, не обременен мечтательными образами, не захвачен в плен фантазией, а сердце напоминает собою поле по осени, уже перепаханное, отдыхающее»*. Таким образом, молитва, по мысли о. Артемия, является *«золотой путеводной нитью, крепко держа которую в руках мы обязательно выйдем из темного леса на свет Божий, как расписные челны, выплывем на простор речной волны»*. Природные образы-реалии (осеннее поле, темный лес, река и др.), естественные и близкие для повседневной жизни человека, максимально доступно нацеливают его на созерцание внутреннего духовного состояния.

Метафорическое опредмечивание, наряду с другими риторическими средствами, формирует пафос как персоналистическую и как психологическую категорию, раскрывающую индивидуальность оратора, оригинальность его мышления, новизну, детализацию разработки темы и формы речи [См.: Рождественский 1997], характер и направление его замысла, связанного с волевым усилием и образующего мысль-воление как отношение ратора к цели речи [Волков 2001]. Если пафос речей о. Артемия Владимирова в большей степени возвышенно-романтический, то, например, пафос речей о. Андрея Ткачева можно назвать реалистически-брутальным, например: *«Прежде, чем идти на сияющие высоты христианских добродетелей, необходимо научиться здороваться с людьми на улице. Прежде, чем бросить курить, необходимо научиться окурки бросать в урну, а не под ноги. Прежде, чем научиться читать Иисусову молитву устами и в уме, надо постараться сморкаться в платок, а не, зажимая одну ноздрю пальцем, ближнему на ботинок. Закон духовный гласит нам, что без маленького большого не существует. Нужно заточиться, препоясаться и застегнуться, приготовившись к длиннейшей незаметной работе, начиная с самых простых вещей. Тогда начнется постепенный путь к обретению смысла и глубины во всем остальном... Так, от меньшего к большему — глядишь, до чего-то человек перед смертью и дойдет*. Ключевая метафорическая оппозиция «высокое – низкое» создается опредмечиванием образов небесной высоты (*христианские добродетели, Иисусова молитва*) и земной грязи (*окурки, урна, сморкаться*). Их антагонизм рождает в человеке духовно-волеительные усилия, эксплицированные переносным словоупотреблением глаголов *заточиться, препоясаться, застегнуться*, которые в религиозном контексте формируют образ воина Христова.

Метафорическое опредмечивание является эффективным риторическим приемом, направленным на раскрытие замысла говорящего, моделирование нормы, образца в их отталкивании от антинормы и антиобразца, создание аксиологически выверенной модальности религиозной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А. А. Курс русской риторики. М. : Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001.
2. Котюрова М. П. Роль сочинительных рядов в научном тексте в плане речевой индивидуальности ученого // Вестник КемГУ. № 4 (48), 2011. С. 180-183.
3. Кант И. Сочинения в 8 т. / Под общей ред. проф. А. В. Гулыги. Т. 8. М., 1994.
4. Кожемякин Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznym-diskurs-metodologiya-issledovaniya/viewer>
5. Москвин В. П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов н/Д : Феникс, 2008.
6. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991.
7. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М. : Высш.шк., 1990.
8. Послания апостола Павла: Послание к евреям // Библия. М. : Российское Библейское Общество, 1996.
9. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М. : Добросвет, 1997.
10. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: автореф. дисс... д-ра филологических наук, СПб., 2012.

Яо Цзясюй
аспирант

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ *ГРЯЗЬ*

Лексема *грязь* в современном русском языке имеет переносное отрицательное значение «4. *перен.* Безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях» [ТСРЯ 2007: 175]. Наша гипотеза: лексема *грязь*, употребляясь в составе фразеологических оборотов, сохраняет данное значение и придает фразеологизму в целом тоже отрицательное переносное значение. Для проверки гипотезы мы взяли тринадцать фразеологических словарей со-